

Теория

РИСКИ ВЗРОСЛЕНИЯ: ОТ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ К ПОИСКУ РЕШЕНИЯ*

Т.А. Хагуров

В статье рассматриваются проблемы роста девиаций в российском обществе, главной причиной чего видится не транзитивность социума, а системная деградация основных социальных регуляторов, продуцирующих комплекс специфических рисков — рисков взросления.

• девиации • социальный контроль • риски взросления • дисфункции социальных институтов • семья • школа, право • массовое искусство • нормативная инверсия

Характерная черта социальной действительности последних десятилетий (российской особенно, но не только) — увеличение масштабов и форм разнообразных девиаций на всех уровнях: социально-институциональном, социально-психологическом, личностно-психологическом. Социальная фактография, подтверждающая этот тезис, огромна, поэтому приведём лишь несколько цифр.

_____ *

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам при Президенте РФ (проект МД – 3625.2012.6).

ПЕД диагностика
ПЕД диагностика

1

Проблемы духовно-нравственного состояния общества и подрастающего поколения/ Милосердие.ru — Православный портал о благотворительности и социальной деятельности //http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=20&s=24&id=10259

2

Позднякова М.Е. Алкоголизация населения как фактор дестабилизации российского общества//Феноменология и профилактика девиантного поведения/Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28–29 октября 2010. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 36.

Девиации в сфере межполовых отношений: к 11 классу опыт сексуальных отношений имеют 35,6% девушек и 55,4% юношей. С 1989 г. доля внебрачных рождений более чем удвоилась — с 14 до 30%. При этом у матерей до 20 лет она ещё выше — 45%. Как следствие, с начала 1990-х гг. Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню аборт (более 1 млн. в год)¹.

Уровень душевого употребления алкоголя в России является одним из самых высоких в мире и составляет 18 ла.а. (абсолютного алкоголя) в год на человека (согласно определению ВОЗ опасным для здоровья является уровень 8 ла.а. в год)². По данным Генпрокуратуры в стране 178 тыс. детей-алкоголиков, пик массового приобщения к алкоголю сместился из возрастной группы 16–17 лет в группу 13–15-летних, а возраст первой пробы — к 10–12 годам. Показатели женской алкоголизации выросли в четыре раза за последние десять лет. Сегодня только на официальном учёте состоит 418 тыс. алкоголичек, по экспертным оценкам, их в десять раз больше³.

По оценкам экспертов, Россия находится на одном из первых мест в мире по уровню самоубийств среди подростков — средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более

чем в три раза превышает средний показатель в мире⁴.

На фоне социальной анонимии широчайшее распространение приобретает преступность среди российской молодёжи. Только с 1990 по 2000 г. состав лиц, совершивших преступления, численно увеличился почти в два раза (с 897,3 тыс. до 1741,4 тыс. человек), а в возрастной группе 18–24-летних в 2,5 раза (с 189,5 тыс. до 465,4 тыс. человек)⁵.

Статистика убийств: по сравнению с советским периодом она возросла более чем в пять раз, и несмотря на относительный спад в конце в 2000-х гг., сейчас вновь имеет тенденцию к увеличению, в 2010 г. этот показатель составил 27 человек на 100 тыс.⁶

Простое изложение лишь основных фактов, иллюстрирующих масштабы распространения девиаций в современной России (где очень своеобразно проявляются *общемировые* тенденции), потребует отдельной монографии.

Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще. Ключевые агенты и инструменты социального контроля утрачивают способность к социальной регуляции. Семья и школа перестают воспитывать, юстиция и право — сдерживать, правоохранительные

структуры — пресекать, культурные институты — и это, на наш взгляд, главное: транслировать обществу подлинные (т.е. способствующие достижению целей социальной солидарности и развития) смыслы и ценности.

Соответственно, сегодня в обществе в целом и в системе социального контроля в особенности существует явно артикулируемый запрос на создание и внедрение эффективных механизмов социальной регуляции: антикоррупционных и правоохранительных, профилактических и коррекционных, финансовых и правовых и т.д. При этом общая позиция практиков (из власти, образования, МВД и т.д.) подчеркнута прагматична и в обращении к потенциалу социальных наук звучит так: «не надо нам пустой теории, дайте работающие технологии и механизмы».

Совершенно ясно также, что в сложившихся социокультурных условиях *никакие* механизмы и технологии не будут работать эффективно. Это можно проиллюстрировать на примере самого, наверное, известного (и — подчеркнём — очень грамотно и последовательно внедрённого в социальную практику) антикоррупционного механизма — ЕГЭ. Основной аргумент в пользу ЕГЭ — высокий уро-

вень коррупции при поступлении в вузы. В результате — что ни год, мы наблюдаем череду коррупционных скандалов вокруг ЕГЭ. Это вполне закономерно.

Для пояснения приведём другой пример: введённый во многих регионах России (инициатором был Краснодарский край) «детский комендантский час» — запрет на нахождение несовершеннолетних вне дома без сопровождения взрослых после 22.00. Этот закон может загнать детей домой. Но может ли он заставить родителей любить детей и заниматься ими? Ответ, думается, очевиден.

Кризис социальных регуляторов

Любые внедряемые сегодня механизмы (правовые или экономические) не будут эффективно работать в силу глубочайшего социокультурного кризиса, суть которого может быть выражена с помощью следующей базовой метафоры.

Представим общество в виде бочки, внутри которой налита вода человеческих страстей, потребностей и желаний. Стенки бочки — это базовые социальные регуляторы: мораль, религия, семья, традиция и культура вообще (в первую очередь массовые виды искусства). Эти стенки скреплены

Теория

3

Позднякова М.Е.

К проблеме алкогольного поведения населения России//Феноменология и профилактика девиантного поведения/Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции 29–30 окт. 2009 г.

Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2009. С. 197.

4

Портал РИА-Новости <http://ria.ru/spravka/20120220/570313334.html>

5

Российский статистический ежегодник 2001: Стат. сб. /Госкомстат России. М., 2001. С. 274.

6

Статистика: Краткий анализ состояния преступности http://buzuluk-news.ucoz.ru/news/statistika_ubijstv_prestuplenij_v_rossii_za_2010_god/2010-12-09-506.

ПЕД диагностика
ПЕД диагностика

7

Хагуров Т.А.
Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28–29 октября 2010. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 40–44.

8

Бюккенен П.Дж.
Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003.

железными обручами Права и Экономике. Когда стенки бочки по какой-то причине сгнили, то сколько ни одевай сверху обручей — правовых механизмов — бочка всё равно будет протекать: страсти и желания вырвутся наружу. Что мы и наблюдаем последние 20 лет.

Такое состояние общества может быть концептуализировано как кризис идеального⁷. Теорию анализа такого состояния социума с позиций моральной философии глубоко разработал А. Макквинтаир⁸. Коротко коснёмся основных идей этого анализа.

Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразные социально-значимые виды деятельности — *социальные практики* — добывание пищи и других ресурсов, управление, оборона от внешних врагов, накопление и передача знаний и т.п. Все социальные учреждения и институты с необходимостью опираются на те или иные практики (науки, образования, архитектуры, медицины, управления и т.п.). Чтобы эта социально-значимая деятельность стала возможной (вне зависимости от её конкретного содержания), необходимо навязать (привить, передать) отдельным индивидам некие общие стандарты или принципы поведения. Необходимо, чтобы люди могли доверять друг другу,

знать, чего ожидать друг от друга, другими словами, необходимы *правила игры*.

Люди, участвующие в практиках, руководствуются двумя видами мотивов: «внутренними» («идеальными») и «внешними» («эгоистические»). К внутренним относится специфическое удовольствие, получаемое посредством участия в практике (то, что выражается словами Долг, Призвание, Любимое дело, — т.е. мотивы социального служения и любви), к внешним — блага, которые могут быть получены любым другим способом, — деньги, власть, чувственные удовольствия.

Индивиды, участвующие в практике, *должны обладать идеальной мотивацией* (стремиться к внутренним благам). Стремление исключительно к внешним благам (деньги, власть, удовольствия) разрушают практики. Когда же критическая масса носителей идеальной мотивации падает ниже какого-то уровня (этот уровень трудно локализуем, но он есть), то начинаются разнообразные дисфункции социальных институтов (нарушения правил игры), перерастающие в их коллапс и далее — системный социальный распад, на пороге которого находится сегодня российское общество. Системный социальный распад — это масштабное разрушение ключевых социальных практик —

права, здравоохранения, управления, обеспечения безопасности и т.д. Фактически начальная стадия этого процесса разворачивается на наших глазах последние 20 лет с различной интенсивностью, большей в 1990-е гг. и меньшей (но неотменяемой!) в 2000-е гг.

В подобной ситуации в первую очередь страдают такие институты, как семья, школа и право, кризис которых наиболее глубоко, на наш взгляд, концептуализируется такими западными обществоведами, как З. Бауман, П. Бьюкенен, Ж. Бодрийяр.

Наиболее заметным результатом этого кризиса становится сбой социализирующей функции данных институтов, продуцирующий комплекс специфических рисков — рисков взросления. Несмотря на то, что феномен рискогенности современного социума анализируется достаточно глубоко⁹, данная группа рисков практически не описана в литературе. Попробуем коротко сделать это в первом приближении.

Риски взросления

Нормальное взросление есть постепенное возрастание свободы (автономности) и ответственности (за себя, окружающих, мир) в поступках и пове-

дении ребёнка. Это возрастание личности возможно лишь при участии значимых взрослых, находящихся с ребёнком в иерархических отношениях любви и заботы (взрослый) и послушания (ребёнок)¹⁰. Одна из главных задач взрослого — сформировать ценностную позицию, преодолевающую индивидуальный эгоизм, иначе не может быть ответственности как условия социальной зрелости и той идеальной мотивации, которая необходима для поддержания практик. Своеобразным и очень значимым «помощником» взрослых традиционно выступало массовое искусство, в первую очередь, литература и кинематограф, транслирующие идеальные ценности и примеры для подражания.

Риски взросления являются результатом нарушения нормальных (основанных на любви и иерархии) детско-взрослых отношений и эрозии идеального начала в культуре. На наш взгляд, в современном обществе (российском, прежде всего) эти процессы связаны с экспансией массовой потребительской культуры, несущей ценности индивидуализированного гедонизма и нравственной эмансипации¹¹. Сущность этих рисков заключается в невозможности достижения настоящих свободы и/или ответственности в поведении ре-

Теория

9

Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: АЛКИЛ, 2009.

10

Остапенко А.А. Взросление подростков: нарушения и их преодоление // Народное образование // 2012. № 5. С. 207–214.

11

Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру / Пер. с англ. М.: Ультра. Культура, 2003.

ПЕД диагностика
ПЕД диагностика

бёнка и эгоистической деформации его нравственной позиции. Результатом становится увеличение числа носителей «внешней» мотивации в социальных практиках, что ещё больше углубляет их кризис и продуцирует ещё большие риски, круг замыкается.

К основным рискам взросления можно отнести следующие.

- Риски, связанные с семьёй. Кризис семьи давно стал избитой темой, но наиболее тревожные его формы являются наименее обсуждаемыми. Это, прежде всего, потребительская деформация так называемой «нормальной» семьи. Семьи, где есть оба родителя, где нет явной асоциальности (что не означает отсутствия скрытой), где о ребёнке заботятся. Но забота эта главным образом сводится к заботе о материальной стороне жизни (одежда, игрушки, учёба), но при этом детско-родительская близость разрушена потребительскими практиками: папа в своём интернете, ребёнок в своём, мама смотрит телевизор. Реальное время общения членов семьи сокращается до минимума, большую же его часть они, физически находясь рядом, пребывают каждый в своём информационном пространстве. Фактически это ситуация «виртуального исчезновения» значимых взрослых в семье.

- Следствием первой группы рисков становится рост детско-подросткового одиночества, что в свою очередь становится мощным рискогенным фактором. Риски одиночества — это, во-первых, высокий уровень подросткового суицида, а во-вторых, растущая зависимость от социальных сетей. Это пока крайне мало изученный феномен, но уже ясно, что детский социальный интернет стал небезопасной территорией, занимающей и часто гипертрофирующей традиционные проблемы подростковых компаний: травлю аутсайдеров, агрессию, распушенность и пр.¹²

- Риски, связанные с школой. Превращение образования из сферы воспитания «разумного, доброго, вечного» в сферу услуг имеет фатальные последствия как для собственно образования, так и для воспитания¹³. Вслед за родителями учителя перестают быть значимыми взрослыми, превращаясь в «поставщиков образовательных услуг», что означает разрушение подлинно продуктивных, основанных на любви и иерархии детско-учительских отношений. Результатом становится катастрофическое снижение внутренне мотивированного отношения к знаниям — любознательности и любви к предмету. Их заменяет потребительский запрос на useful knowledge — полезные знания. Как следст-

12

Солдатова Г.В.

Дети в информационном обществе

<http://detionline.com/journal/authors/articles/soldatova>.

13

Хагуров Т.А.

Консьюмеризация образования: обучающие и воспитательные дисфункции современной школы в контексте

распространения потребительской культуры // Народное образование // 2006. № 9. С. 239–245.

вие — растущий прагматизм участников социально-значимых практик. Кроме того школа фактически лишается возможности выступить в роли социального компенсатора семейных дисфункций, что хотя бы отчасти получалось у неё в советское время.

- Наконец самая большая группа рисков связана с *нормативной инверсией* массового искусства, являющейся следствием разрушения идеального начала в культуре. Как уже говорилось, массовое искусство, традиционно выступало одним из значимых агентов социализации, транслятором идеальных ценностей. Примерно с 1960-х гг. проявилась и всё более утверждается опасная тенденция заигрывания с «принципом удовольствия» массового зрителя и читателя — стремление предложить ему новые и «щекочущие» зрелища и сюжеты. Одним из таких завлекающих приёмов является переворачивание ценностей с ног на голову, рокировка «плохих парней» с «хорошими». Традиционный герой — обаятельный защитник социально-значимых ценностей уступает место новому герою — симпатичному негодяю, который и становится образцом для подражания сегодняшних тинейджеров.

Разумеется, сказанное — не более чем попытка постановки проблемы, которая ещё требует серьёзного уточнения и анализа. Однако в силу специфики определённой культурной традиции, сам собой напрашивается извечный вопрос русской интеллигенции: что делать?

Что делать?

Один из ответов может быть таким: вспомнить об исторической миссии интеллигенции. Историческая и социальная миссия творческой интеллигенции проста и величественна. Она состоит в воспроизводстве смыслов. Общество ведь нуждается в двух видах пищи — материальной и духовной. И если задача класса менеджеров и предпринимателей заключается в воспроизводстве пищи материальной, задача класса «силовики» — в обеспечении материальной (физической) безопасности, то задача интеллигенции — воспроизводство пищи духовной и обеспечение безопасности духовной. На практике это означает нахождение правильных символов (слов и не только) для выражения правильных идей.

Возникает вопрос: «Разве можно делить идеи на правильные и неправильные?!».

Теория

Можно! Правильные идеи в любом обществе — это те, которые выражают, с одной стороны, общечеловеческие смыслы (Милосердие, Правда, Долг, Верность и др.), а с другой — отражают специфические смыслы конкретной культуры. Такие идеи прекрасны и необходимы обществу: богатство и разнообразие национальных культур в них объединяется общечеловеческим содержанием ключевых ценностей.

И универсальные, и национально-культурные смыслы выражаются с помощью различных символов (слов, картин, звуков музыки) и языков (литературы, музыки, живописи и т.д.). Так творятся великие произведения культуры, воспаляющие сердца и вдохновляющие умы современников и потомков. Но любые символы *неизбежно стареют*: слова, музыка и картины становятся привычными, приедаются, перестают будить ум и сердце, и тогда смыслы уходят. Таково свойство человека — привычка лишает даже великие символы их силы. И тогда возникает соблазн Сомнения — Истина становится туманной, неоднозначной и всё большее количество людей *всерьёз* повторяют скептический вопрос Пилата: «Что есть истина?».

В такие моменты на исторической сцене культуры всегда появляется множество

авантюристов, провозглашающих «смерть старого мира», отрицающих вечные ценности и соблазняющих общество слованными табу. XX век дал тому множество примеров — от лозунга русского футуризма: «Сбросим Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности» до лозунга американской контр-культуры: «секс, наркотики и рок-н-ролл». В такие моменты и проявляется великая историческая миссия интеллигенции — найти новые символы для вечных смыслов, вернуть культуру в лоно общечеловеческих и национальных ценностей, донести до людей Правду на понятном им языке. Если не удаётся это совмещение общечеловеческого и национального, то народ (нация, культура) погибает.

И здесь на первый план выходит не наука с её рациональным дискурсом, а Искусство с его способностью обращаться к разуму через сердце. «Воспитание добродетели» — вот ключевая задача социально-ориентированного искусства. Вспомним опыт СССР — 20–50-е гг. это расцвет жанра плаката, наглядной агитации (помимо расцвета специфической детской литературы типа «Честное слово» А. Пантелеева или «Что такое хорошо» В. Маяковского). Там преобладают позитивные образы,

вызывающие желание следовать за ними, быть похожими, вызывающие *потребность в приобщении*. Вот, пожалуй, главная задача сегодня — вызвать эту потребность в приобщении позитивным образом. Как создать эти привлекательные для молодёжи образы? Здесь и заключается собственно творческая часть работы. Художникам и писателям 1930-х это удавалось, с учётом культуры и психологии их аудитории.

Сегодня психология и культура изменились очень сильно, но есть надежда, что глубинные архетипы нашей культуры, имеющие православные религиозные корни, все ещё живы. Ключевое в этих архетипах — поиск

смысла и милосердия — то, что лежит в основании великой русской классической литературы. Но сегодня, к сожалению, для большинства молодёжи язык культурной классики — мёртвый язык. Как его оживить, как сделать живыми (а только тогда они станут привлекательными) настоящие ценности и добродетели — вот тот вызов, на который должны ответить российская интеллигенция вообще и социально-ориентированное искусство в частности. Ибо если ответа не будет, нам предстоит в самом ближайшем будущем окончательно переселиться в постчеловеческую реальность Постмодерна. А это по-настоящему страшно.

Теория